

УДК 304.5

ЛОЖНЫЙ КРУГ ФИЛОСОФОВ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В ПОНИМАНИИ ЧЕЛОВЕКА И МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

д. филос. н., профессор
ФГАОУ «УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина»,
профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
г. Екатеринбург

Аннотация: Г.В. Плеханов подчеркивал, что старые материалисты-просветители в борьбе с заблуждениями сами заблуждались, а потому были не совсем материалистами. Среда создается мнениями, а мнения создает человек. Однако современные исследователи показывают, что в силу активной включенности Г.В. Плеханова в современную ему политическую борьбу в его концепции сама методология исторического исследования принимает вид идеологической доктрины. Такая критика Г.В. Плеханова может быть понята как критика марксизма в целом, либо как критика Плехановской версии понимания марксизма и материалистического понимания истории. Современники предъявляют первому русскому марксисту обвинение в абсолютизации классовой борьбы, а между тем он решал в философии иные задачи – показывал, что попытка материалистов вырваться из заколдованного круга антиномий оказывается несостоятельной. Ленинская формула, что А.И. Герцен «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед - историческим материализмом» относится также к русским революционным демократам и лучшим представителям французского материализма.

Ключевые слова: материалисты-просветители, заблуждения, среда, мнения, человек, идеологическая доктрина, критика марксизма, классовая борьба, круг антиномий, диалектический материализм, исторический материализм, французский материализм.

THE FALSE CIRCLE OF ENLIGHTENMENT PHILOSOPHERS IN HUMAN UNDERSTANDING AND MARXIST PHILOSOPHY

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Annotation. G.V. Plekhanov emphasized that the old enlightenment materialists themselves were mistaken in the fight against misconceptions and therefore were not completely materialists. The environment is created by opinions, and opinions are created by humans. However, modern researchers show that due to G.V. Plekhanov's active involvement in the political struggle of his time, the methodology of historical research itself takes the form of an ideological doctrine in his concept. Such criticism of G.V. Plekhanov can be understood as a critique of Marxism in general, or as a critique of Plekhanov's version of the understanding of Marxism and the materialist understanding of history. Contemporaries accuse the first Russian Marxist of absolutizing the class struggle, and yet he solved other problems in philosophy – he showed that the attempt of materialists to break out of the enchanted circle of antinomies turns out to be untenable. Lenin's formula that A.I. Herzen "came close to dialectical materialism and stopped before historical materialism" also refers to the Russian revolutionary democrats and the best representatives of French materialism.

Keywords: enlightenment materialists, misconceptions, environment, opinions, man, ideological doctrine, criticism of Marxism, class struggle, circle of antinomies, dialectical materialism, historical materialism, French materialism.

Выдающийся русский марксист Г.В. Плеханов подчеркивал, что старые материалисты-просветители в борьбе с заблуждениями сами заблуждались, а потому были не совсем материалистами. Они, как говорили прежде философы, были материалистами «снизу» - в понимании природы, но идеалистами «сверху» - в понимании общества. Г.В. Плеханов не сам обнаружил ложный круг, но ссылался на видимые противоречия в трудах просветителей и он писал, цитируя великого материалиста П.-А. Гольбаха: «Философы вращались в ложном кругу. С одной стороны, человек представлялся им, как продукт окружающей социальной среды. «В воспитании следует искать главный источник порывов и добродетелей человека, заблуждений или истины, наполняющих его голову, похвальных или достойных порицания привычек, отличающих его, достоинств и талантов, приобретаемых человеком» С другой стороны, источник всяких социальных неурядиц находится в *«незнании яснейших начал политики»*. Социальная среда создается *«общественным мнением»*, т. е. человеком. Это основное противоречие возвращается в различнейших формах в трудах Гольбаха, как, впрочем, и в трудах всех прочих «философов» [1, с. 68]. Среда создается мнениями, а мнения создает человек.

Магнитогорские философы В.А. Жилина и Д.В. Гранин пишут о значении Плехановского понимания раннего материализма: «В российском направлении марксизма наиболее последовательна концепция Г. В. Плеханова, в трудах которого отражается как проблематичность теоретического подхода к истории с позиции материализма, так и прослеживается потенциальное поле применения обозначенной модели социальной стратификации в исследовании, как общего хода истории, так и конкретных проблемных тем. По его мнению, материалистическое понимание истории выступает ядром всей марксистской теории. Методологический потенциал данного подхода к изучению сферы социального исследования раскрывает через его применение в критике предшествующих марксизму социальных теорий. Так, в анализе концепций философов школы так называемого французского материализма XVIII в. Г. В. Плеханов определяет предметную область исследования общественного бытия как совокупности общественных отношений. Это позволяет ему заключить, что данное направление материализма в социальных исследованиях остановилось перед порогом понимания структуры социальных отношений, не умея выделить базис, то есть совокупность производственных отношений. Вследствие этого он констатирует традиционный для философии той эпохи идеализм в толковании сути духовной сферы социального и в трактовке сущности социального закона» [2, с. 6].

Однако авторы неожиданно подвергают критике не старых материалистов, а самого Г.В. Плеханова: «...для представителей французского материализма человек всего лишь пассивный элемент в процессах объективных закономерностей и, следовательно, можно констатировать не просто идеалистический уклон в объяснении сути социального, но и определенные элементы теологической трактовки. Однако с позиции современного философского анализа следует заметить, что такой своеобразный выход методологии принципа материалистического объяснения истории за пределы непосредственно изучаемого предмета способен в обратной связи негативно сказаться на состоянии его собственного теоретического содержания. В частности, в силу активной включенности Г. В. Плеханова в современную ему политическую борьбу в его концепции методология исторического исследования принимает вид идеологической доктрины. При этом под идеологией в данном случае следует понимать традиционное толкование ее как некоторой политической доктрины, некий программный фьючерсный документ, объясняющий потенции социального развития. У Плеханова человек все также пассивен, только диктат исходит не от совокупности систем природы и общества, а от специально выведенного базиса. Происхождение же самого базиса, его наполнение изначально констатируется как трансцендентное. Для любой методологии внутреннее ограничение через некие элементы агностицизма всегда разрушительно» [2, с. 6]. Критика Г.В. Плеханова может быть понята как критика марксизма в целом, либо как критика Плехановской версии понимания марксизма.

В итоге первому русскому марксисту предъявляется теоретическое обвинение в абсолютизации классово́й борьбы: «Но он не замечает, что в его позиции классовая борьба абсолютизирована, ее природа необъяснима, а суть человека все также сведена к чему-то, что находится вне его самого. Нарушается не только методологическая роль принципа материалистического понимания истории, искажается и его теоретическая суть. Методологически концепция Г. В. Плеханова попадает в процесс движения по кругу: человек зависим от классово́й борьбы, а классовая борьба зависит от содержания человека» [2, с. 6-7]. Если Г.В. Плеханов утверждает, что старый материализм вращается по кругу, то новые постматериалисты его самого помещают в дурной круг.

Однако авторы все же защищают марксизм как науку от либерального мифа о подмене его идеологией: «Теоретически спорным моментом, который контрастирует с теорией общества у К. Маркса, выступает отсутствие анализа роли потребностей и интересов в процессах социального развития. Теоретическая значимость принципа материалистического объяснения истории обнаруживает себя в теоретических нападках на данное направление теоретической мысли. Теорию школы марксизма с самого начала привычно обвиняют в идеологизации объяснения сути всех социальных явлений. При этом игнорируется тот факт, что идеологический фетиш — пролетариат еще при жизни основоположников материализма в истории уверенно трансформируется в новую социальную общность — в класс рабочих. Если умирает ядро идеологии, то логично предположить уничтожение и самой идеологии. Но миф подмены марксизма идеологией, тем не менее, живет и сегодня» [2, с. 7].

Г.В. Плехановым старый материализм отторгается тем, что «человек есть продукт социальной среды. Отсюда вполне логично вытекает, что миром управляет никак не «общественное мнение» [1, с. 68]. И другая сторона антиномии: «Социальная среда создается «общественным мнением», т. е. людьми. Отсюда вполне логично вытекает, что общественное мнение управляет миром, и что человеческий род стал несчастным вследствие «заблуждения» [1, с. 69].

Каков выход из круга? Г.В. Плеханов находит свой выход для старого материализма: «Мы знаем, что человеку «не дано» знать произошло ли животное раньше яйца, или яйцо раньше животного. Материалистам XVIII века не было также дано знать, образует ли «общественное мнение» социальную среду или же социальная среда образует «общественное мнение». Действительно, для того, кто неспособен расстаться с метафизической точкой зрения, нет ничего труднее ответа на этот вопрос. Если, как доказал Локк, не существует никаких врожденных идей; если, как утверждали материалисты XVIII века, человек есть лишь «ощущающее» существо; если ощущения производят в нем идеи, как «образы, следы, впечатления, воспринятые нашими чувствами»; если, наконец, человек не более свободен в мышлении, чем в поступках, — то крайне странно искать в «мнениях» людей тайну того или иного поступка человека. Ведь с приведенной точки зрения, наши идеи это только то, чем их делают воспринятые нами впечатления. Но такие впечатления оставляются не только «природою» в настоящем смысле слова. С самого рождения социальная среда овладевает человеком и образует его мозг, представляющий лишь «пригодный для восприятия всех впечатлений мягкий воск».

Он далее пишет: «Итак, желая понять историю «общественного мнения», мы должны отдать себе точный отчет относительно истории социальной среды, т. е. развития общества. Таков неизбежный вывод, к которому пришел сенсуалистический материализм. Знаменитая, придуманная Кондильяком, статуя могла бы прийти в состояние покоя лишь после того, как ей удалось бы объяснить перемену своих «мнений» посредством перемены ее социальных отношений, т. е. отношений к «себе подобным». Итак, следует обратиться к истории. Но «философы», видевшие в истории только сознательную деятельность человечества, не могли найти в ней ничего, кроме «мнений человека» [1, с. 71].

Итак, старым созерцательным материалистам-просветителям пришлось столкнуться с *антиномией*: мнения являются *следствием* социальной среды и, наоборот, мнения являются *причиной* тех или иных свойств среды.

Г.В. Плеханов пишет о судьбе этой антиномии домарксовской философии: «И эта антиномия тем более должна была запутать идеи философов, что понятия о *причине и следствии*, по крайней мере в применении к социальной жизни, для них, как и для всех метафизиков, представлялись прочными, неподвижными, так сказать, окаменелыми. Лишь как метафизик, *Гримм* мог сказать, что «*влияние мнений*

равно нулю». Наивысшая, наиболее философская точка зрения, до которой могли добраться метафизики, это понятие о взаимодействии между различными сторонами социальной жизни. Это точка зрения Монтескье. Но взаимодействие или «ближайшая истина отношений между следствием и причиной», как определяет его Гегель, ровно ничего не объясняет в историческом процессе. Если мы ограничимся тем, что станем рассматривать данное содержание только с точки зрения взаимодействия, то это будет на самом деле вполне лишенное понятий отношение» [1, с. 72].

Получается, что человек остается для просветителей самой большой загадкой. В главе «Антиномии человеческой природы» Т.Б. Длугач обращает внимание на основные ценности просветительства. И сегодня мы знаем, что это ценности либерализма. Она пишет: «В основе всех политических учений и программ Просвещения лежат представления о человеке как о природном существе, обладающем неотчуждаемыми «естественными правами», и, таким образом, понятие о «человеческой природе» входит в число основных понятий социальной концепции Просвещения» [3, с. 161]. Очень походит на конституционные преамбулы западных демократий, утверждающие о правах и свободах человека. И Конституция РФ 1993 г. в своей неизменной части – раздел 1, глава 1, статья 2 имеет такую формулировку: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [4].

В книге 1989 г. о французском Просвещении в марксистском духе утверждается: «Позже выяснится, что за «естественным человеком» просвещенного века скрывался буржуа, т. е. вполне определенный и исторически ограниченный тип человеческой личности, но на первых этапах развития нового общества апелляция к природе служила фундаментом всей предреволюционной идеологии и обнаруживала больше привлекательных черт, чем недостатков, — просветители призывали к равенству политическому в соответствии с равенством природным, они призывали уважать свободу других людей, поскольку та получена всеми из рук самой природы. Как видим, модель общества строится по модели природы, и идеалом человека в глазах просветителей, как уже упоминалось, становится «сын природы», некий «благородный дикарь», от рождения наделенный здоровыми природными потребностями и здоровым человеческим смыслом, чувством уважения к себе и другим людям, стремлением к собственной выгоде, тесно связанной с выгодой всех других членов общества» [3, с. 162].

Поскольку вся книга Института философии АН СССР была посвящена 200-летию Великой французской буржуазной революции, то терминология используется соответствующая – «Подготавливая буржуазную революцию, новые идеологи намечают программу изменения общества как раз в соответствии с природным началом в человеке; поэтому, несмотря на все восхваления прогресса науки, производства и т. п., цивилизация должна быть признана некоторым отклонением от нормы, ибо она волей-неволей разрушает естественное состояние, и Руссо вовсе не из любви к парадоксам написал свое первое сочинение и вовсе не случайно получил за него первую премию Дижонской Академии наук. Ибо истинная просвещенность в глазах просветителей двойится: конечно, это распространение достижений наук, промышленности, искусств и т. д., но не следует забывать, что двигателем подобного общественного прогресса считается естественный индивид; именно он — идеал нового общества, и постольку просвещение, воспитание связано также с распространением знания о его «природной» основе, «природной» сущности. Человек — это «сын природы», а общество должно гарантировать его «естественные права» [3, с. 164].

Попытка вырваться из заколдованного круга антиномий оказывается несостоятельной и в версии Г.В. Плеханова показывается этот крах попыток понимания человека материалистами: «Человек есть продукт окружающей социальной среды. Характер этой среды, по предположению, определяется действиями «правительства». Действия правительства, напр., законодательная деятельность, относятся к области сознательной человеческой деятельности. Эта сознательная деятельность, в свою очередь, зависит от «мнений» действующих лиц... Незаметным образом один из членов антиномии превратился в противоположность. Трудность, невидимому, устранена, и «философ» со спокойной совестью продолжает свои «исследования». Точка зрения «взаимодействия» была оставлена, как раз, когда до нее удалось добраться. Это еще не все. Кажущееся решение антиномии есть попросту полнейший разрыв с материализмом. Мозг человека, этот «мягкий воск», принимающий разные формы под влиянием

впечатлений, идущих от окружающей социальной среды, в конце концов превращается в творца самой этой среды, которой он был обязан всеми своими впечатлениями. Не зная, что идет далее, материалистический сенсуализм вынужден идти снова вспять» [1, с. 72]. Получается то, что К. Маркс называл относительно идеалистической философией – «кружение на спекулятивной каблуке». Беда старого материализма в отличие от спекулятивной идеалистической конструкции – метафизика и отсутствие диалектики. Посмотрим, как это отсутствие диалектики сказывается на построениях Гольбаха. Г.В. Плеханов пишет: «Далее автор «Системы природы» уверяет нас, что очень легко узнать влияние правительства на характер, мнения, *законы*, обычаи и т. д. Правительство, следовательно, имеет влияние на законы. Это очень просто и совершенно очевидно, но означает только то, что гражданское право народа имеет своим источником публичное право того же народа. Одно право зависит от другого, «законы» — от «законов». Антиномия исчезает, но только потому, что один из ее членов, тот из них, который должен был формулировать окончательный вывод материалистического сенсуализма, в действительности был только плоской тавтологией.

Настоящее устранение трудностей, встреченных этим материализмом, требовало двух условий.

1) Следовало отказаться от метафизической точки зрения, исключавшей всякую идею эволюции и плачевным образом запутавшей логические понятия «философов». Лишь при этом условии им могло «быть дано» узнать, что как в естествознании, так и в общественной науке было предшествующим: произошло ли животное из яйца, или яйцо из животного.

2) Следовало прийти к необходимому убеждению, что та «природа человека», с которой имели дело материалисты XVIII века, ровно ничего не объясняет в историческом развитии человечества, следовало сделать шаг дальше, подняться выше естественноисторической точки зрения, а именно, стать на почву *социальной науки*. Следовало понять, что социальная среда имела свои собственные законы развития, несколько не зависящие от человека, рассматриваемого, как «чувствующее, понимающее и разумное существо» и, наоборот, решительно повлиявшие на его чувства, идеи, рассуждения» [1, с. 73].

Возникает вопрос, верны ли претензии российских авторов к Г.В. Плеханову после его блестящей критики старого материализма? Эти материалисты-просветители сами заблуждались – такое понимание совпадает с пониманием К. Маркса о том, что воспитатель сам должен быть воспитан. Но кто его воспитает? И в случае с материалистами, которые хотели сделать материалистами других и искали признаки материи в истории, кто сделал из них материалистов, и к какому материализму они пришли – к донаучному или научному?

Третий тезис Маркса о Фейербахе был переведен Г.В. Плехановым. Его классический перевод такой: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, - это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [5, с. 2]. Вокруг переводов Марксовых «Тезисов о Фейербахе» (особенно второго тезиса) столетие назад шла полемика и в ней участвовал В.И. Ленин, но это уже другой сюжет для статьи, или сценарий для другой статьи. Получается, что проблема отношения нового материализма к старому материализму более острая, чем критика идеализма и спекулятивной философии. Материализм диалектический и материализм метафизический разделяет еще большая пропасть, нежели весь материализм и идеализм. В статье «Памяти Герцена» В.И. Ленин нашел место Герцена в философии: «Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» - «Эмпирия и идеализм», - написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подо-

шел к диалектическому материализму и остановился перед - историческим материализмом» [6, с. 256]. Чеканная формула «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед - историческим материализмом» относится также к Н.Г. Чернышевскому и лучшим русским революционным демократам.

Список источников

1. Плеханов Г.В. Сочинения. Изд. 2-е Москва, Ленинград: Государственное издательство, 1928. том VIII. – 411 с.
2. Жилина В.А., Гранин Д.В. Принцип материалистического понимания истории: единство методологии и теории (на примере марксистской концепции Г. В. Плеханова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 5 (427). Философские науки. Вып. 52. с. 5-9.
3. Французское Просвещение и революция. М.: Наука, 1989. – 272 с.
4. Конституция Российской Федерации. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 629 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1968. т. 21. – 671 с.